

М. Н. Власова
(Санкт-Петербург)

ПРАВОСЛАВНЫЕ И СТАРООБРЯДЦЫ ДЕРЕВНИ СЁМЖИ (МЕЗЕНСКИЙ РАЙОН АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация: В статье, в контексте истории и хозяйственно-бытового уклада деревни Сёмжи — форпоста русских деревень на правом берегу Мезенской губы, рассмотрены различные аспекты взаимоотношений православных и старообрядцев, которые на протяжении нескольких столетий жили здесь бок о бок. Эти взаимоотношения, как правило, бесконфликтны.

Ключевые слова: Русский Север, традиционное мировоззрение, православие, старообрядчество.

Abstract: In the present paper various aspects of relations between the Orthodoxes and Old Believers who dwelled abreast of each other during several centuries in the village of Semzha are discussed in terms of history, social and domestic way of life of the village of Semzha which is an outpost of the Russian villages on the right bank of the Mezen bay. These interrelations are usually unconflictive.

Keywords: the Russian North, traditional ideology, Orthodoxy, Old Belief.

Небольшая поморская деревня Сёмжа — форпост мезенских деревень в здешних краях, одна из вех сухопутной дороги на полуостров Канин, располагается на правом берегу Мезенской губы, у слияния рек Сёмжи и Мезени.

По мнению архангельских исследователей Н. В. Шульгина и Т. А. Санакиной, Нижняя Мезень заселялась по преимуществу с моря. «О поступательном движении на восток по Зимнему берегу владельцев семужьих тоней красноречиво говорит "Платеж-

ная книга Двинского уезда" (1560 г). Свидетельствуют об этом и коренные фамилии жителей города (Мезени. — М. В.), а также антропологические данные. Среди населения преобладает ильменско-беломорский тип. Это значит, что большинство первопоселенцев было с Поморья, с низовьев Двины, и пришлые люди не перемешивались с коренным населением¹.

Деревня Сёмжа и соседняя река Кедовка — традиционное место сбора промысловиков-зверобоев, где, по сведениям середины XIX в., скапливалось в последних числах февраля до 1000 промышленников. Этот промысел, по мнению мезенского бытописателя Ардамона Шелонина, заслуживал особого внимания «по своей трудности» и подробно, с большим сочувствием к сёмжинским и приезжим добытчикам, им описан².

Более или менее достоверные сведения о появлении русских рыбацких становищ по берегам Мезенского залива и полуострова Канин относятся к XVI в.

Первые упоминания о поселении, именуемом «Семежским усольем», которое и стало, скорее всего, впоследствии Сёмжей, содержатся в «Списках проезжающих» (1743–1744 гг.).

«В эти списки попало много мезенцев, направлявшихся в российские города для работы по найму — “артельщиков” и “мужиков” с Окладниковой, Кузнецовой, Лампоженской слободок и “Семежского усолья”, везших на продажу предметы своего промысла». Ср.: «21 декабря ехали от г. Архангельского в Москву с рыбой Мезенского уезда Лампоженской слободки крестьяне <...>, того же уезда Семежского усолья жительство Иван Артемьев Филатов да сын его Никита Иванов»³.

Согласно недостаточно проверенной версии, Сёмжу именовали некогда «Филатовской слободой». В отличие от Окладниковой слободы (давшей начало городу Мезени), она была основана московским родом Филатовых⁴.

¹ Шульгин Н. В., Санакина Т. А. Окладникова слободка. Архангельск, 2001. С. 11.

² Шелонин Ардамон. Морские звериные промысла Мезенского уезда (1849 г.) // Архив Русского географического общества (далее — АРГО), р. I, № 30.

³ Шульгин Н. В., Санакина Т. А. Окладникова слободка. С. 26 (Государственный архив Архангельской области, ф. 1, т. 2, д. 3539, л. 435).

⁴ Обладатели второй наиболее распространенной здесь фамилии — Масловы — пришли в Мезенскую губу позже Филатовых и были новгородцами, «шелонниками». Такого взгляда на историю Сёмжи, правда, с оговорками, придерживается местный уроженец, писатель В. С. Маслов,

Эта версия пользуется популярностью у семжан, стала неотъемлемой частью «народной истории».

Источники XIX в. устойчиво именуют Семежское усолье Сёмжей (в официальных документах — «деревней Сёмженской»).

С. В. Максимов, посетивший Сёмжу в середине XIX в., насчитывает в ней более 10 дворов⁵. К концу XIX в. «деревня Сёмжа, расположенная на левом берегу реки Сёмжи», состояла из 27 дворов и была «отдельным обществом» Дорогорской волости Мезенского уезда⁶. Количество сёмженских дворов (около трех десятков) оставалось на протяжении второй половины XIX и вплоть до начала XXI в. практически неизменным. (Илл. 12)

По сведениям конца XIX в., крестьяне Сёмжи и расположенного приблизительно в 20 километрах от нее маленького выселка Пьи, в количестве «88 человек мужского пола и 93 человек женского пола» были прихожанами Мезенско-Кузнецко-слободского прихода Первого благочиния Мезенского уезда. В самой деревне имелась «однопрестольная Николаевская церковь»⁷ (возведенная на средства крестьян в 1847 г.).

Особенность Сёмжи, о которой умалчивает процитированное выше «Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии», — многолетнее существование бок о бок православных и старообрядцев. Это обстоятельство, несмотря на отдельные попытки замалчивания, неизменно находилось в поле зрения епархии, систематически направлявшей в Сёмжу священников-наблюдателей и миссионеров-проповедников⁸.

Прежде чем описать подробнее вышеупомянутую коллизию, охарактеризуем вкратце местоположение деревни, а также хозяйственно-промысловую деятельность ее насельников, не столь уж разную для православных и староверов⁹.

опираясь, в основном, на сведения, сообщенные в 1772 г. академику Лепехину семжанином Иваном Филатовым (*Маслов В. С. Еще живые // Площадь первоучителей. Мурманск, 2000. С. 223*).

⁵ *Максимов С. В. Год на Севере. Т. 1. СПб., 1859. С. 26.*

⁶ *Трофименко Д. З. Описание первого Мезенского лесничества Мезенского уезда Архангельской губернии (1877–1891) // АРГО, р. I, № 60. С. 173.*

⁷ Мезенско-Кузнецко-слободской приход // Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. 2. Уезды: Шенкурский, Пинежский, Мезенский и Печорский. Архангельск, 1895. С. 296–297.

⁸ Эта деятельность особенно усилилась в начале XX в.

⁹ Сведения об истории, быте и фольклоре Сёмжи, отрывочные и скуд-

По сведениям лесничего Д. З. Трофименко, «дача Сёмженская», состоявшая «в общем владении казны с крестьянами Сёмженского общества Дорогорской волости», имела «удобной лесной почвы» 10467 десятин — приблизительно четверть общей площади всей дачи (38212 десятин).

«Неудобное» пространство Сёмженской дачи изобиловало реками, речками и ручьями (162 десятины); озерами (187 десятин); болотами и тундрами (27272 десятины)¹⁰.

Обилие «неудобий» в здешних местах усугублял суровый климат. «По близкому положению к северному полюсу климат Мезенского уезда холодный и суровый, — сообщал в середине XIX в. И. Поромов. — В конце сентября выпадает снег, и реки покрываются льдом. В половине мая начинается весна, с июня по август — кратковременное лето, а с августа по октябрь продолжается ненастная осень. Морозы начинаются с первых чисел октября и самые сильные бывают в январе и феврале месяцах»¹¹.

ные, приходилось и приходится извлекать по крупицам из многочисленных архивных и опубликованных источников, и работа эта далека от завершения. Воспоминания нынешних жителей Сёмжи, их интерпретации деревенской истории, истории сёмженских родов, как правило, ценны и содержательны. В них преломляется мировоззрение поморов, его традиционные, устойчивые — и меняющиеся черты. Несмотря на то что самые старшие из сёмжан, с которыми удалось побеседовать, родились в конце 30-х годов XX в., глубина и преемственность народной памяти иногда оказывается поразительной. И все же насильственное «выселение» деревни в начале 60-х годов того же века (об этом см. ниже) проложило резкую черту между теми, кто рос, жил и работал в Сёмже, и теми, кто был увезен из нее в малолетстве, либо, уехав учиться, осел в иных краях, бывая на родине наездами. Как это ни парадоксально, именно среди этой категории уроженцев Сёмжи можно встретить и самых увлеченных бытописателей родного края, и людей, мало о чем помнящих (с горечью в этом признающих либо стремящихся «сочинить» свою утраченную историю). Неоспоримо и влияние Виталия Семеновича Маслова (1935–2001), талантливого писателя, чье творчество посвящено родной земле и судьбам односельчан. Нередко к повестям и рассказам Маслова сёмжане апеллируют, рассказывая о запомнившемся событии. Отметим, однако: внимательные читатели проводят отчетливую грань между реальным житейским эпизодом и его художественным отражением и, упомянув о книге, ведут повествование по-своему.

¹⁰ *Трофименко Д. З.* Описание первого Мезенского лесничества Мезенского уезда Архангельской губернии (1877–1891). С. 170–171.

¹¹ *Поромов И.* Описание Мезенского уезда. С. 1. «В 1857 г. выпал снег в исходе июля, глубиною в один аршин, который сошел через 7 дней» (Там же).

По мнению некоторых старожилов, сёмженская весна, начавшись в мае, с «выходом» (освобождением ото льда) реки Мезени, длится весь июнь. Первый летний месяц — июль; последний — сентябрь.

«У нас бабушка Александра говорила: “Июнь — это месяц весенний, а сентябрь — это летний месяц”. Для Сёмжи. Да. Она всегда говорила: “Сентябрь — летний месяц”...

Здесь самое что: это грибы, ягоды в сентябре, клюква в сентябре. Клюква, брусника в сентябре, и это лето считалось у них. А весной, в июне — ничего нет. Пусто. Пусто — везде, и она считала, что это еще зимне-весенний месяц...

Снег сходил в июне, но вот так, по ручьям, он до июля мог стоять. Если много снегу было — еще лучше отбеливать белье на снегу. Солнца много — и белье вот отбеливалось, вообще всякое пятнышко отбелится!»¹².

«Летний месяц сентябрь» резко сменяется осенне-зимним октябрем.

Добавим: именно в этих местах — одни из самых мощных, высоких в мире приливов и отливов, что, по-видимому, и подвигло сёмженских мужиков быть на диво расторопными: «не задержись, не замешкайся, вода ждать не будет!»¹³.

Хозяйство столь сурового в ландшафтно-климатическом отношении региона сложилось в общих чертах около XV в.; основными его отраслями являлись лесные расчистки, охота, рыболовство¹⁴. К 20-м годам XX в. расчистки становятся «слишком затратны»; промысел рыбы (в основном — семги, наваги) сокращается из-за плохо налаженного сбыта.

Особое местоположение — при впадении реки Мезени в Мезенскую губу, близость к оживленным морским и речным путям, к сухопутной дороге, ведущей на полуостров Канин, — существенно повлияло на дальнейшее развитие хозяйственного уклада д. Сёмжи.

В конце XIX — начале XX в. сёмжане были весьма «подвижны» в выборе наиболее доходных занятий, сочетая и рыболовство, и зверобойный промысел, и охоту. Здесь процветала лоцманская

¹² Архив собирателя М. Н. Власовой (далее — АС), Сёмжа, В. У. Маслова, 1939 г. р., 2016.

¹³ Маслов В. С. На костре моего греха // Площадь первоучителей. Мурманск, 2000. С. 14.

¹⁴ Мезенская экспедиция: [Отчет]. С прил. карты бассейна реки Мезени / Сост. Г. Г. Гулошкин, М. А. Павловский, Н. Д. Понагайбо, А. Д. Тарановский; Под общ. ред. проф. А. И. Шульца и М. Я. Красного (Труды лесоэкономической экспедиции / Управление лесами НКЗ РСФСР. Вып. 1). М., 1929. С. 183.

служба, а с появлением лесозаводов добычу рыбы сильно потеснили погрузка леса на пароходы и плавание на судах лесозавода в период навигации.

Ввиду особенностей климата (более сурового, нежели во многих других районах Беломорья) и сосредоточенности на промыслах, скотоводство и огородничество имело в Сёмже подсобный характер. На приусадебных участках, в количестве, potreбном для семьи, выращивали жито (ячмень) — единственную вызревающую здесь зерновую культуру.

Колхоз был организован в Сёмже в начале 30-х годов XX в. и просуществовал около 30 лет. В его состав, помимо Сёмжи, включили соседнюю деревушку Пью.

Традиционно значимые виды хозяйственной деятельности остались в сёмженском колхозе прежними. Изменился, конечно же, способ ведения промыслов (от индивидуального либо артельного¹⁵ — к коллективному).

Как и в других регионах России, жизненный уклад Сёмжи «изначально определялся в первую очередь сменой времен года, поворотными сроками солнечного календаря»¹⁶.

Локальная структура праздничного года сформировалась путем «предпочтительного отбора» основных дат православного календаря¹⁷, соотношенных с летними и зимними солнцеворотами и другими «поворотными» периодами года (наступление весны и осени), также с периодами, особо важными для хозяйственно-промысловой деятельности.

Центральное место в праздничном календаре д. Сёмжи по разнообразию обрядности и живости воспоминаний занимает Рождество, точнее — всё святочное время (от 7 до 19 января¹⁸).

В первый день Рождества повсеместно ходили группами «славить Христа». Группы различались по возрасту: дети — взрослые.

¹⁵ Согласно отрывочным данным конца XIX — начала XX в., сёмженские артели — трудившиеся на лесозаводе, зверобойке, на наважбей путине — каждый год организовывались, по-видимому, заново. О постоянных сёмженских артелях говорить пока трудно, хотя, возможно, в 20–30-е годы XX в. таковыми были лоцманская артель (*Маслов В. С.* Наброски к повести «Родька» // Архив семьи Масловых. С. 18) и рыболовецкая артель (*Маслов В. С.* Еще живые. С. 263).

¹⁶ *Некрылова А. Ф.* Круглый год. М., 1989. С. 8.

¹⁷ *Бернштам Т. А.* Локальные группы Двинско-Важского ареала: Духовные факторы в этно- и социокультурных процессах // Русский Север: К проблеме локальных групп. СПб., 1995. С. 227.

¹⁸ Здесь и далее даты приводятся по новому стилю.

Память о том, каким был состав групп славильщиков, в деревне отчетливо не сохранилась. Некоторые семжане вспоминают, что проживавший в деревне «слепой дедушка Малёшка (Малюшка)», которого водили по двору, пел «настоящее»¹⁹.

Стайки детей посещали, по преимуществу, дома родственников.

«А мы, деточки, пели, — к бабушке, помню, ходили:

*“Славлю-пославлю,
Выславлю пятак,
Матери на юбку,
Папке на табак,
Кому-то на кофе,
А мне — пятак просто так!”»²⁰*

Столь же значимым периодом праздничного календаря оставалась Пасха. Особенности этого празднования во многом определялись климатическими условиями (в здешних широтах это был скорее зимний, нежели весенний праздник).

В 40-е–50-е годы празднование Пасхи (из-за отсутствия действующей церкви) стало семейным, домашним. Сведений об обрядах и обычаях, приходившихся на разные дни Страстной и Светлой недель, зафиксировать не удалось. В первую очередь, вспоминая о предпасхальном времени, семжане рассказывают об обычае коллективного мытья изб (вытеснившим, возможно, очистительные обряды Страстного четверга). Кульминацией семейного празднования Пасхи становилось обильное застолье — с непременно выпечкой и крашеными яйцами. Часть семжан старшего возраста держала кур только «ради яиц» и, главным образом, «ради Пасхи»²¹.

Воспоминания о Троице еще более скудны: этот праздник менее всего запомнился даже семжанам старшего поколения, не говоря уже о тех, чье детство пришлось на 40-е–50-е годы XX в.

Помимо отсутствия церковного богослужения либо не выясненных пока местных особенностей бытования традиции, причиной весьма скромного празднования Троицы в Сёмже мог стать суровый климат. В начале июня здесь еще лежал снег, древесные почки лишь начинали распускаться, что едва ли соответствовало

¹⁹ Что подразумевается под «настоящим», неясно (возможно, рождественский тропарь).

²⁰ АС, Сёмжа, К. И. Алексахина, 1938 г. р., 2016. Из следующих за Рождеством больших праздников зимне-весеннего календаря семжане охотнее всего повествуют о масленице, ограничиваясь, впрочем, описанием масленичных горок и печения блинов.

²¹ АС, Сёмжа, В. У. Маслова, 1939 г. р., 2016.

народному духу праздника, «знаменующего прощание с весной и встречу лета, прославляющего зеленеющую землю с центральным персонажем — березкой»²².

Тем не менее, многие все же придерживались обычая украшать дом березовыми ветвями, втыкая их у икон и окон.

Прочие чтимые даты сёмженского праздничного календаря вспоминаются местными жителями отрывочно.

Иванов день (или, по-сёмженски, Иван-день, 7 июля) не отмечен в Сёмже какими-либо обычаями и обрядами. О том, насколько традиционной была такая практика, судить пока трудно. Очевидно, однако, что напряженная, жизненно-важная сенокосная страда не оставляла, по крайней мере, с середины XX в., времени для праздничных гуляний и забав.

Особый в летнем сёмженском календаре — Петров день (12 июля). Согласно записям 1922 г., празднество, происходившее в Петров день, могло именоваться «Петровщиной». Оно сопровождалось гуляниями в поле и пением песен²³. Но во второй половине XX в. это был скорее день отдыха, когда сенокосные бригады возвращались ненадолго в деревню.

Как и в других регионах Белого моря, в Сёмже бытовало и бытует представление о «подходах» (или «походах») семги, соотнесенных с праздничными датами календаря.

«А сёмга... Раньше она как-то по приметам шла, по праздникам. (Соб.: А по каким праздникам?)

— Вот Спасы там начнутся, вот. Первый, второй, третий — в эти подходы бывают. Ильинский подход бывает. На Иван-день бывает подход»²⁴.

Таким образом, в «празднично-промысловом» календаре семжан выделяются Ивановский (7 июля), Ильинский (2 августа) и Спасовские подходы²⁵ семги, когда она должна ловиться особенно хорошо.

Распространенные представления об Илье Пророке — «хозяине» грома и молнии, преследующем спасающуюся в воде нечисть и проливающим на землю благодатный дождь²⁶, пополнились в

²² Некрылова А. Ф. Круглый год. С. 473.

²³ Запись В.В. Чарнолуцкого, 1922 г. // Архив Мурманского областного краеведческого музея, НВ 3579, ед. хр. 108, л. 4. Можно предположить, что «петровщиной» могли именовать и все летние гуляния.

²⁴ АС, Сёмжа, Н. К. Маслов, 1948 г. р., 2016.

²⁵ Первый Спас (Макковой) — 14 августа; Второй Спас (Преображение) — 19 августа, Третий Спас (ореховый) — 29 августа.

²⁶ Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси: В 2 т. Т. 1. Харьков, 1916. С. 22.

Сёмже верой в Илью — «хозяина» шторма. Соответственно, «грозный» (грозовой) праздник Ильин день стал «штормовым». В сугубо современной интерпретации Илья Пророк — «хозяин моря», однако такая трактовка единична.

Центральными в праздничном календаре Сёмжи, помимо «двунадесятых» (Рождества, Пасхи), традиционно оставались престольные праздники.

Сёмженская церковь освящена во имя Николы, покровителя плавающих и путешествующих. Соответственно, престольными праздниками должны были стать «Никола весенний» (22 мая) либо «Никола зимний» (19 декабря). Однако престольный праздник Сёмжи — осенняя «Светина» (30 сентября), дата освящения церкви.

«(Соб.: Какой праздник был в деревне самым большим?)

— А у нас престольный был праздник Светина осенью. 30 сентября. 30 сентября это уже как обработали всё, обработали, и вот это был праздник.

(Соб.: И, наверное, на несколько дней, да?)

— Да, на несколько дней... Приезжали и в клубе собирались»²⁷.

Была ли изначальной замена традиционного престольного праздника «Светиной» и какие причины обусловили необычную трансформацию, выяснить не просто²⁸.

Ср.: «(Соб.: Какой у вас православный престольный праздник?)

— Ой, православной у нас праздник в деревне Светина, 30 сентября. Съезжий праздник. <...>.

(Соб.: Почему Светина?)

— Потому что светили в этот день. Светили церковь, когда построили. <...>.

(Соб.: Да, но церковь-то у вас во имя Николы?)

— В этот день построили церковь, и ее освещали. <...>

(Соб.: А престольного праздника Николы весеннего или зимнего, значит, не было?)

— Ну, как праздник — так отмечали.

(Соб.: Как обычный праздник?)

— Да, в декабре и в мае»²⁹.

Лишь одна из семжанок все же уточнила: «А православная церковь имени была Николая Чудотворца, зимнего»³⁰.

²⁷ АС, Сёмжа, А. Д. Филатова, 1938 г. р., 2016.

²⁸ В «Кратком историческом описании приходов и церковей Архангельской епархии» указано лишь, что сёмженская «Николаевская церковь», была однопрестольной (см. выше).

²⁹ АС, Сёмжа, К. И. Алексахина, 1938 г. р.; Е. Д. Сахнюк, 1944 г. р., 2016.

³⁰ АС, Сёмжа, 2016.

Существенно и то, что «Светина» называли «Никола осенний». *«Никола осенний. Этот уже, как говорится, деревенский праздник. Как распута — здесь переезжают: кто попадет, кто не попадет сюда. На праздник раньше старались приехать»*³¹.

Упоминание о «распуте» (на реке Мезени, зимой полностью замерзающей, в декабре «распуты» быть не могло), как будто бы подтверждает «осенний» характер праздника. Однако здесь мы остаемся в области предположений.

Еще один значимый сёмженский праздник — «Светина» старообрядческой церкви.

Как упоминалось выше, особенность Сёмжи — многолетнее существование бок о бок православных и старообрядцев. В 1905 г. в деревне возвели старообрядческую церковь во имя иконы Казанской Божьей Матери.

Икона Казанской Божьей Матери была главной святыней Сёмженского скита («Келий»). По преданию, записанному в 1803 г., скит основали «беглые новгородские инокини Ефимия и Павла и прибывшие вместе с ними монахини Игнатьевской пустыни Ирина и Дорофея»³².

Скит представлял собой небольшую келью на притоке реки Сёмжи, в 18 верстах от деревни. Спустя некоторое время келью заменили более обширным помещением с двадцатью насельниками. В начале XX в. официальные власти конфисковали скит и выселили стариц, заменив их послушницами Ущельского монастыря. Началась долгая тяжба за владение скитом.

Судьба Келий, продолжавших и в этот «смутный» период привлекать «массу народа своею чудотворною иконой», описана одним из православных миссионеров, направленных в Сёмжу³³. По наблюдениям автора, среди насельников Келий были староверы-беспоповцы³⁴. В самой Сёмже, наряду с беспоповцами, концентрировались, по-видимому, старообрядцы австрийского толка.

В 30-е годы XX в. в Кельях продолжали жить монахини во главе с бывшей игуменьей: *«держали корову, сдавали по твердому*

³¹ АС, Сёмжа, М. Т. Филатова, 1939 г. р.; З. Т. Филатова, 1938 г. р., 2016.

³² Архангельские епархиальные ведомости. 1905. №18. С. 697; Маслов В. С. Жить Сёмже или не жить (лирический очерк) // Архив семьи Масловых, 1969. С. 21–22.

³³ Павловский Б., свящ. Миссионерская поездка в Семженский выселок Мезенского уезда в июне 1903 г. // Архангельские епархиальные ведомости. 1903. № 18. С. 672–673.

³⁴ Там же.

заданию налог за нее, а для прожитья сажали лук и репу, ловили рыбу в озерах. Потом насельницы выехали в Сёмжу, их к тому времени осталось в живых только двое: Марфа слепая и Марфа кривая — один глаз на двоих. Прочие успели погибнуть на реке: то масло повезли по половодью сдавать — срок по твердому заданию был жестокий, на распуту срок не глядит; то — несло то же масло и, переходя через реку по живому льду, провалились»³⁵.

До открытия церкви в Сёмже сёмженские старообрядцы австрийского толка построили дом — «в бору не слишком дальнем, но глухом». Вероятно, он должен был выполнять функции запрещенной дониконианской церкви. Однако начальство, «и низкое, и высокое», повелело незаконную постройку разобрать. Все, кто принимал участие в строительстве, были оштрафованы. Дом все же сумели сохранить и перевезти позднее в Сёмжу, поставив неподалеку от старообрядческой церкви и передав начетчику И. С. Жмаеву³⁶.

Таким образом, с 1905 г. в деревне на 30 домов приходилось две церкви: «наша православная и ихняя старообрядческая, австрийщина (австрийского раскольничьего толка. — М. В.)»³⁷.

Не специализируясь в области изучения старообрядчества, мы не ставим перед собой задачу проследить в подробностях историю проникновения ревнителей «старой веры» в «официально православную» Сёмжу (возможно, некоторое количество старообрядцев жило здесь изначально).

Постепенно продвигаясь от настоящего к прошлому, постараемся обрисовать, какими в конце XIX–XX в. предстают сёмженские старообрядцы, каковы их взаимоотношения с православными односельчанами (вполне, на первый взгляд, мирные).

Из воспоминаний сёмжан следует, что старообрядчества придерживалась значительная часть местных жителей. Это создавало коллизию постоянной «перемены вер». Обычно из православия в старообрядчество и обратно переходили при женитьбе либо замужестве.

«Вот бабушка у меня мезенская, из рода Антипиных, там православна была, — поясняет родившаяся перед войной жительница деревни. — Дед её ездил сватать трижды.

На третий раз она всё-таки согласилась. Ведь она приняла <...> старообрядческую веру»³⁸. (Илл. 13)

³⁵ Маслов В.С. Еще живые. С. 238–239.

³⁶ Там же. С. 197.

³⁷ Маслов В. С. наброски к повести «Родька». С. 11. Сёмженская церковь была одной из первых двух старообрядческих церквей, возведенных в России после издания манифеста о свободе вероисповедания.

³⁸ АС, Сёмжа, К. И. Алексахина, 1938 г. р., 2016.

«(Соб.: Как она решилась?)»

— Не знаю... Она была вообще красивая в молодости. Но дед тоже красивый... Но она никогда не покаялась, что она вышла за него, потому что они жили очень дружно. Дед у нас такой — как сказать, остроумный, веселый...

Вот тетушка, которая мамина двоюродная сестра из Мезени... говорит: «Я ждала как манны небесной, чтобы приехать на каникулы к вам... А к вам я приеду в Сёмжу — ой! У бабушки такой порядок, всё-то вот на месте, всё это там за печкой, все эти полки, всё намыто...» <...>

Говорит: «Вот ни разу не слышала... Может, в карбасе дед и ругался или матюгался. Но в доме чтоб хоть раз, — говорит, — прозвучал какой-нибудь матюг — никогда, — говорит, — мы не слыхали» <...>

И мы также... Бабушка никогда не играла в карты. Это всю жизнь, вот сколько я ее помню, она не выпила грамма вина. Песни пела, хороводы водила вот на всех этих гóстьбах, а выпить — никогда!»³⁹.

По воспоминаниям внучки, Прасковья Васильевна Филатова, с блеском окончившая в Мезени церковно-приходскую школу, увлеченно читавшая классиков русской литературы, знавшая на память много стихов, искренне предалась новой вере.

Она «была очень богомольной», регулярно выписывала из Москвы «старообрядческие книжки» (каноны, календари). Однако внуков к своей вере не приобщала, ни к чему не принуждала, «знала, что другой стиль жизни, другое всё»⁴⁰.

Идеальные чистота и порядок поддерживались и поддерживаются во многих поморских домах, независимо от вероисповедания хозяев. Отказ от спиртного и матерной брани — также скорее черта семейного распорядка. Участие богомольной Прасковьи Васильевны в масштабных вседеревенских празднествах — гóстьбах — с большой вероятностью свидетельствует о том, что повседневный и праздничный быт староверов и православных не был в Сёмже строго обособленным⁴¹. Оставалось «общим» и деревенское кладбище.

³⁹ Там же.

⁴⁰ АС, Сёмжа, К. И. Алексахина, 1938 г. р., 2017.

⁴¹ Фольклорных материалов, собранных в Сёмже, известно немного, однако можно с уверенностью сказать, что Сёмжа обладала развитой фольклорной традицией. Тетрадь с записями, сделанными от местных жителей В. В. Чарнолуским (1922 г.), содержит, главным образом, тексты разнообразного песенного фольклора. Экспедиция Сектора народного устно-поэтического творчества Института русской литературы (Пуш-

«Свою веру», видимо, было не принято выставлять напоказ, хотя отдельные черты сёмженского староверчества запечатлелись в памяти односельчан.

«А старообрядцы — я у них икон почти не видел в этом, в окладах-то. Они же были, старообрядцы... Как бы сказать... В общем, не стремились к богатству, ни к чему. Они крестились по-другому, это понятно... Вот иконы-то у них одни деревянные. Они почти, почти в окладах в красивых, позолоченных ведь там не были. Вот я так где-то читывал, что вроде — не фарисействовали. Что есть, то есть. Сами сделали икону, там написали всё — вот она. <...> Две церкви стояло у нас: старообрядческая и такая, да... Вот церковь-то стояла, я помню еще ее тоже, ну дак чо, а мне 60 лет почти. От нее нашел на луде⁴² сын вот крест⁴³. <...> Он полкреста нашел. Нашел, значит, принес бабушке с дедушкой. А потом те сидят: “Сашка сегодня крест нашел — вечером нам рыба попалась. Како хорошо!” Типа — что хорошее, богоугодное дело сделал»⁴⁴.

Свадьба П. В. Филатовой, сочетавшаяся с переходом в старообрядчество, состоялась в 1904–1905 гг. В 40–50-е гг. XX в., после закрытия сёмженских церквей и в связи с распространением атеистического мировоззрения, вероисповеданию жениха и невесты зачастую и вовсе не уделяли внимания. «Не стали они делиться — они объединились... И уже не спорили ни о чем»⁴⁵. Кроме того, многочисленные «межконфессиональные» браки семжан, принадлежавших к изначально православным либо староверческим рокинским Дом) РАН посетила Сёмжа в 1975 г. За сравнительно короткое время здесь были сделаны записи обрядового и необрядового фольклора: песни свадебные, плясовые, лирические; частушки; свадебные и похоронные причитания (Фонограммархив ИРЛИ РАН. 158 МФ 0957. 05. 318F). Как выяснил автор статьи, часть этого репертуара семжане не забыли вплоть до начала XXI в.; помнят и ход свадебного обряда, и произведения сказочной прозы (легенды, предания, былички). Подчеркнем: никаких «староверческих» черт, привнесенных в традиционный сёмженский фольклор, обнаружить не удалось.

⁴² Луда (здесь) — обнажающаяся при отливе мель (Меркурьев И. С. Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1979. С. 82).

⁴³ В отличие от православной Никольской церкви, развалины которой сохранились по сей день, старообрядческая церковь, располагавшаяся на обрывистом берегу (угоре), со временем «ссыпалась» в море вместе с подмытыми волнами угором.

⁴⁴ АС, Сёмжа, Н. Г. Филатов, 1955 г. р., 2016.

⁴⁵ АС, Сёмжа, В. У. Маслова, 1939 г. р., 2016.

дам, не способствовали длительному сохранению одной и той же веры даже внутри одного рода.

Один из наиболее многочисленных и уважаемых сёмженских староверческих родов — «Маланьин род».

«У моего пра-пра-прадеда Петра Филатова с женою было пятеро детей. Потом прапрадед Филипп Петрович Филатов с женой Акулиной родили двух дочерей и сына Степана, — поясняет семжанка К. И. Алексахина. — Степан Филиппович женился на Маланье Васильевне... И вот в семье Степана Филатова и Маланьи появились дети: три дочери и пять сыновей»⁴⁶.

После женитьбы Степана и Маланьи этот род Филатовых⁴⁷ стали именовать «Маланьиным» — «потому что она была хозяйка». Как полагает один из потомков Маланьи Васильевны, ее муж «содержал семью, помогал, всё делал, как положено. А руководителем была бабушка Маланья. Он не мог ей слова сказать, как я понимаю»⁴⁸. Согласно иному мнению, сёмженские мужики «пасли путину. Рыбалка, зверя добывать. Вернутся — не вернутся, а женщины командовали»⁴⁹.

Дочь Маланьи Васильевны, Агафья Степановна (1877–1959), стала искусной и единственной на всю Сёмжу повитухой.

Для рожениц в Сёмже предназначалась особая баня, развалины которой сохранились до наших дней.

«Баня старая, если еще довоенная. <...> И ее, конечно, сначала натопят, когда схватки начинаются у кого-нибудь... Топят баню, всё там приводят в порядок. Вот. Потом принимают роды.

Но в бане, видишь, — смысл, да и всё! Тут знаешь сколько крови! Под этой баней. Пусть она стоит так, догнивает... Не разобрали ее. А то вон цветочки все на крыше растут... Ромашки, иван-чай. Всё время цветы цветут»⁵⁰.

Повитуха Агафья Степановна Маслова не только принимала роды, но и крестила или, по-местному, «купала» новорожденных семжан.

«Тут рожали-то — наши-то — свои принимали роды, крестили. Как говорят: “Купали”. Ну, бабульки, да. Сами купали.

⁴⁶ АС, Сёмжа, К. И. Алексахина, 1938 г. р., 2017.

⁴⁷ Напомним, что Филатовы и Масловы — самые распространенные, едва ли не единственные в Сёмже фамилии, поэтому семьи с этими фамилиями могли быть разными по «родовой» принадлежности и вероисповеданию.

⁴⁸ АС, Сёмжа, П. С. Филатов, 1971 г. р., 2016.

⁴⁹ АС, Сёмжа, 2016

⁵⁰ АС, Сёмжа, В. У. Маслова, 1939 г. р., 2016.

Когда-то меня, где я была... в Новгороде, в Новгородской области в церкви спросили: “Вы крещеная?” Я говорю: “Я не знаю. Я знаю, что я купаная, но считается ли это как это крещение?” Ну, вот он (священник. — М. В.) тут переспросил — где я и откуда... “Да, считается”. Ну, здесь в деревне-то наши дети да наши даже внуки купаны были бабульками»⁵¹.

Элементы обряда купания (совершаемые действия, произносимые тексты), к сожалению, изгладились из памяти жителей Сёмжи вслед за кончиной бабушки Агафьи, преемницы которой также не дожили до наших дней. Сейчас семжане могут описать крещение-купание только в самых общих чертах.

«А вот так — купель. Корыто, да всё, — рассказывает семжанка, выступавшая в роли крестной матери своей маленькой родственницы. — Я очень хорошо помню: в их доме, у бабушки, было такое высокое корыто. Что там бабушка Агафья говорила — все эти молитвы, она всё знала.

(Соб.: Бабушка Агафья крестила?)

— Да-да, бабушка Агафья руководила этим делом. Бабушка Овдотья тоже была там. Потом мне положили на руки ее (крестницу. — М. В.), и я вокруг этого корыта с ней обошла. А там дальше не знаю, что. А потом ее всё учили звать меня хрестной. “Ну, хрестна-то твоя!” Она: “Хрѣ-ѣ-сна!” — “Ну-ка перестань!” Она меня хрестной зовет, пионерку! Хрестна! <...>

(Соб.: А сколько раз надо было обнести?)

— Ну, один-то раз я точно несла.

(Соб.: А воду обычную наливали?)

— Да, обычную. Такая уж была тепленькая...»⁵².

Сейчас трудно сказать, совершалось ли крещение, «признанное» священником, в традициях православия. По нашему мнению — едва ли: в «Маланьином роду», из которого происходила Агафья Степановна, наличествовали староверы-беспоповцы⁵³. Во всяком случае, беспоповкой была ее родная сестра, Афанасья Степановна Маслова.

⁵¹ АС, Сёмжа, Е. Д. Сахнюк, 1944 г. р., 2016. С вопросом о том, является ли «купание» полноценным крещением обращалась к священнику и семжанка К.И. Алексахина. «В таких экстренных случаях можно считать, что крещеная”. Но говорит: “Мирром вы не мазаны. Приходите, я вас перекрещу. Докрещу”, — так он мне сказал» (АС, Сёмжа, 2017).

⁵² АС, Сёмжа, К. И. Алексахина, 1938 г. р., 2016.

⁵³ Сёмженские староверы-беспоповцы, отколовшись от официального православия, не принимали и «священства старообрядческого» (так называемой «австрийщины», упомянутой выше в связи со строительством в Сёмже старообрядческой церкви).

Бездетные сестры Агафья и Афанасья не только присматривали за детьми своих многочисленных братьев, — они были охранительницами Сёмжи, лекарями-целительницами.

«Лечила Агафья Степановна. <...> Грыжу она лечила ядром... Типа вот старых пушечных ядер, металлическое, кругленькое, всё такое гладкое. Мне не один раз приходилось у нее самой лечиться. Вот пуп: что таскать приходилось тяжести маленькой. У нас как — старшая сестра была бабушки Прасковьи любимица, первая. И она всего у нас боялась, и ее всё берегли. А я — вечно на одной ножке, вприпрыжку. И вот раз чего-то — или с ягодами придешь, притащишь... Вот так болит! Не знаю, уж как оно называлось, что не разогнуться. Дикая боль! И вот, бабушка придет: “Ой, девка, ты пуп сорвала! Уж я к вам с ядром не пойду, приходи ко мне на печку”. И так как-то закрутит-закрутит, потом нажмет — всё, всё прошло... Вот пупок вставал на место.

Еще она накидывала горшок. Ядром иногда не попадает — это типа как банки ставили вот эти маленькие. А у нее был такой горшочек тоже, поджигала она внутри там... Она как-то пощупает... У нее ручечка была — как мои пальцы вся ручечка. Пухленькая, кругленькая! И вот она пощупает, пощупает — кому ядро надо набросить, а кому горшок. И особенно она очень много всё в бане ходила, терла. Это массаж-то всё у нее в бане, по несколько раз... Там с зимы придут, когда наваги ходили ловить в Чижу. Видимо, тоже и простынут или чего — надорвутся, и вот: “Топите баню!”» Топят... Все мы прошли через ее руки»⁵⁴. (Илл. 14)

Мы намеренно уделили основное внимание тем, кто из года в год, буднично, но преданно и деятельно поддерживал устои традиционного деревенского обихода.

Отметим все же, что наряду с этими скромными тружениками в Сёмже первой половины XX в. проживали весьма яркие личности. В частности, Иван Степанович Жмаев — идейный лидер староверов-«австрийцев», талантливый проповедник, вдохновитель строительства церкви, которого «Архангельские епархиальные ведомости», начиная с 1903 г., «редко в каком номере не касались»⁵⁵.

⁵⁴ АС, Сёмжа, К. И. Алексахина, 1938 г. р., 2017.

⁵⁵ Маслов В. С. «Не пойдя Анисья за Ивана...» // Еще живые. С. 198. В своей кипучей деятельности И. С. Жмаев дошел в 1908 г. «до самой Москвы» — выступил с докладом о староверческом миропонимании; стал одним из организаторов старообрядческого церковно-общественного журнала «Церковь» (Там же. С. 200).

В 1930 г. И. С. Жмаев и староста старообрядческой церкви Елизар Олимпиевич Маслов были арестованы.

«Обвинительный было от 18 февраля 30-го года, — повествует его внучка. — Что дедушка Елизар и Жмаев были взяты под стражу как кулаки. И вот по постановлению тройки дед был арестован на 5 лет с конфискацией имущества. Дак вот имущество-то — вот я читала в этом акте — была корова, две лошади, овцы, 23 курицы. <...> Кулаком-то он не был. По жизни-то не был, потому что столько детей было — было 3 сына и 3 дочери. Все работали. <...> Ну, постановление-то было — как кулаки. Что они — было написано — являются кулаками. Хозяйство большое... И подстрекают... И мешают комсомольской жизни. Но арестован был как кулак»⁵⁶.

Е. О. Маслов все-таки возвратился через три года в Сёмжу; след И. С. Жмаева потерялся⁵⁷.

Некоторое время в Сёмже жил и, по всей вероятности, совершал богослужения в новопостроенной церкви Григорий Яковлевич Ситников, крестьянин д. Верхний Березник, расположенной сравнительно недалеко от Сёмжи, вверх по течению р. Мезени. Его дневник, датированный 1891–1909 гг., хранится в собрании Мезенских рукописей Древлехранилища ИРЛИ РАН⁵⁸. Содержание дневника «составляют рассказы о различных чудесах в местных приходах, о снах самого Ситникова, его родственников и знакомых, автобиографические заметки и отдельные литературные статьи (сказания “о лестовке”, “о червленом яйце”)⁵⁹. И хотя автор для Сёмжи — лицо скорее эпизодическое, его записи проливают свет на духовную жизнь одного из представителей местного старообрядчества.

В самой Сёмже, в устном бытовании, сохранилось поверье о кладе, зарытом, предположительно, семжанином Анисимом Фи-

⁵⁶ АС, Сёмжа, К. И. Алексахина, 1938 г. р., 2017.

⁵⁷ И. С. Жмаева арестовали вторично. В первый раз (по-видимому, в начале 20-х гг. XX в.) его сумела разыскать и возвратить в Сёмжу жена — Анисья Дмитриевна Жмаева; вторая ее поездка успехом не увенчалась. Неординарной судьбе этой семьи, и в первую очередь — подвижнической жизни А. Д. Жмаевой — посвящен очерк В. С. Маслова «Не пойдя Анисья за Ивана...». Потомки Жмаевых и сейчас живут в низовьях Мезени.

⁵⁸ Часть дневника Г. Я. Ситникова впервые обнародована и проанализирована в публикации: *Пигин А. В.* Чудеса Иова Ущельского (из дневника мезенского крестьянина рубежа XIX–XX вв.) // *Живая старина.* 2016. № 4. С. 2–6.

⁵⁹ Там же. С. 2.

латовым, который пожертвовал на строительство старообрядческой церкви «полную чашку золота»: *«Не чайную, а хлебальную! Из каких суп всем застольем хлебали! Семьи у Анисима не было, хором для себя не строил, ничего для себя никогда не купил. А золото — от оленей: оленей стадо в тундре держал! Около стада в чуме и жил...»*⁶⁰.

Щедрое жертвование, очевидно, не истощило богатств Анисима Филатова. По предположению односельчан, он закопал свое достояние в трех километрах от деревни, возле Каменного ручья.

*«Вот Серёга.... с Серегой мы годки»*⁶¹.

Серёга раньше от них (от дедушки с бабушкой. — М. В.) наслушивается, говорит: “На кладбище клад закопан!” А, не на кладбище — на Каменном ручью он говорил...

Мы говорим: “Ну чо, пойдём туда, искать там — три километра”. — “Не, нельзя, дедка сказал — окаянные ходят”.

*Какие там окаянные или кто там! От-от-от. Эту фразу я честно запомнил: “Клад есть! Окаянный охраняет”*⁶².

Староверческий клад, оберегаемый «окаянными», то есть нечистью, так и пребывает нетронутым возле Каменного ручья.

В настоящее время Сёмжа, «выселенная» в 60-е гг. XX в. во исполнение постановления ЦК КПСС «О неотложных мерах по развитию сельского хозяйства страны», но — усилиями местных жителей — восстановленная в реестре существующих деревень⁶³, на протяжении зимы пустует. Летом здесьлюдно. Особенно много семжан собирается на родной земле в конце июля — к празднованию Дня деревни и дня рождения В. С. Маслова.

По наблюдениям автора статьи, современные семжане считают себя православными либо неверующими. Не без вдохновляющего влияния творчества В. С. Маслова, они стремятся знать и помнить историю своего рода. И все же, записывая воспоминания жителей Сёмжи, нередко приходится настойчиво уточнять, к какой вере принадлежали предки рассказчика. Далеко не всегда полученный ответ однозначен.

⁶⁰ Маслов В. С. «Не пойдёшь Анисья за Ивана...». С. 200.

⁶¹ Речь идет об уроженце д. Сёмжи Сергее Сергеевиче Маслове, 1954 г. р.

⁶² АС, Сёмжа, Н. Г. Филатов, 1955 г. р., 2016.

⁶³ Этому неординарному событию способствовало создание в Сёмже, исключительно силами сельчан — Дома Памяти. «Главная задача, — разъяснял идею создания Дома Памяти В. С. Маслов, — сохранить имена. Родовая книга — на 50 сёмженских родов, до 9 поколений в каждом» (Маслов В. С. На костре моего греха. С. 11). Дом Памяти был открыт в 1984 г.

Сам Виталий Семенович, будучи православным, отличался — в традициях деревни — веротерпимостью и сочувствием к «гонимому» старообрядчеству.

Еще не так давно в Сёмже отмечали две Светины — и старообрядческую, и православную.

«Светины у старообрядческой церкви 15 июля всегда были. И Виталий Семенович каждый год собирал людей... <...>

(Соб.: Так он же был православный?)

– Да. Нет, он отмечал. Отмечал и эту Светину. Это та же самая православная церковь, только разделенная. Которая гонимая церковь, вот так считал. И Аввакума он уважал»⁶⁴.

Празднование православной Светины (30 сентября) после «ликвидации» Сёмжи стало затруднительным. Остов Никольской церкви уцелел, но семжане, приехавшие на лето, начинали покидать деревню задолго до 30 сентября. Оставшиеся «просто вот — обходили, молились тут, у этой церкви»⁶⁵.

⁶⁴ АС, Сёмжа, В. У. Маслова, 1939 г.р., 2016.

⁶⁵ Имеется в виду разрушенная Никольская церковь (АС, Сёмжа, В. У. Маслова, 1939 г. р., 2016).